

Илья Петрухин

Сага о двух закатах: Кабояси Начало

Два Заката

Илья Петрухин

**Сага о двух закатах:
Кабояси Начало**

«Автор»

2026

Петрухин И.

Сага о двух закатах: Кабояси Начало / И. Петрухин — «Автор»,
2026 — (Два Заката)

История рассказывает о Кабояси, начиная с детства и заканчивая его становлением губернатором Дальневосточного региона Японской империи.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Илья Петрухин

Сага о двух закатах: Кабояси Начало

Глава 1

Кабояси спал у себя в квартире во Владивостоке. Город за окном шумел, порт гудел, где-то далеко лаяли собаки, но он не слышал этого. Он был там. В другом месте. В доме, которого не знал.

Дом был светлым, деревянным, с резными наличниками и большими окнами, за которыми виднелся сад. Яблони цвели, и лепестки падали на траву, и где-то вдалеке слышались детские голоса. Он стоял на крыльце, и руки его были молодыми, без морщин, без шрамов, без той тяжести, которую он носил всю жизнь. Рядом бегали двое юношей — лет пятнадцати, смуглые, быстрые, с лицами, которые были ему знакомы, но он не мог вспомнить, откуда.

Он вышел из дома, и она стояла у калитки. Не Наташа. Та девушка из того Иркутска, которую он видел на скамейке. Света. Она улыбалась, и в глазах ее было что-то, что он не мог назвать — любовь, может быть, или радость, или то, что старше слов.

— Папа, — сказала она, и голос ее был звонким, как ручей. — Пошли. Шашлыки жарить. Я все купила. Мангал, мясо, угли. Ты должен попробовать. Идем, там все собрались. Мама тоже. Она очень сильно любит. Помнишь, как вы оба готовили? Наташины шашлычки? Но эти — лучше. Сочнее.

Она взяла его за руку, и он пошел за ней, и ноги не слушались, но он шел. Сад был большим, и в конце его, у старой беседки, стоял мангал, и дым вился вверх, и пахло мясом, и углями, и счастьем. За столом сидела она. Наташа. Молодая, красивая, с улыбкой, которую он помнил, с глазами, которые смотрели на него с той же любовью, что и тогда, много лет назад.

— Иди к нам, — сказала она, и голос ее был тихим, как ветер. — Мы ждали тебя.

Он сел за стол, и они ели, и смеялись, и юноши рассказывали что-то, и Наташа смотрела на него, и Света подкладывала мясо, и было тепло, и хорошо, и он не хотел, чтобы это кончилось.

Он смотрел на свои руки. Они были другими. Молодыми, чистыми, без крови, без памяти. Он держал в них шампур, и мясо было сочным, и он чувствовал вкус, и запах, и счастье.

— Ты счастлив? — спросила Наташа, и голос ее был тихим, как шепот.

— Счастлив, — ответил он, и это было правдой.

— Тогда оставайся, — сказала Света, и в глазах ее было что-то, что он не мог назвать — надежда, может быть, или просьба, или то, что старше слов. — Оставайся с нами. Здесь. Навсегда.

Он хотел ответить, но не смог. Мир поплыл, и сад исчез, и беседка исчезла, и Наташа, и Света, и юноши, и только дым остался, и запах шашлыка, и смех, который затихал, как эхо.

Он проснулся. В комнате было темно, только луна светила в окно, и тени от веток падали на пол, как руки, которые тянутся к нему. Он сидел на кровати, и руки его дрожали, и лицо было мокрым от слез.

Он чувствовал их. Вкус. Запах. Тепло. Он чувствовал их руки, их голоса, их любовь. Они были там. Настоящие. Живые. Он был счастлив. А теперь он здесь, один, в этой квартире, в этом городе, в этой жизни, которая была его жизнью.

Он не знал, что это было. Сон. Воспоминание. Другая вселенная. Он не знал. Но знал, что они там. Что они ждут. Что он должен найти их. Должен вернуться. Должен сказать, что любит. Что помнит. Что не забыл.

Он встал, подошел к окну. Город спал, и только порт гудел, и где-то далеко горели огни, и он смотрел на них, и думал о том, что завтра он уедет. В Иркутск. Найдёт ее. Найдёт Свету. Найдёт Наташу. Найдёт тех юношей, которые бегали по саду. Найдёт свою любовь. Свою правду. Свою жизнь.

— Я вернусь, — сказал он тихо, в пустоту, в ночь, в этот город, который был чужим и своим одновременно. — Я вернусь и найду. Я обещаю.

Он лег на кровать, и закрыл глаза, и снова увидел сад, и яблони, и дым, и смех. И он знал, что это не сон. Это явь. Другая. Та, где он счастлив. Та, где он любим. Та, где он нужен.

Он уснул, и во сне он был с ними. И не хотел просыпаться. Но знал, что должен. Ради них. Ради себя. Ради правды. Потому что искать — это тоже быть. И надеяться. И верить.
1936 год. Сахалин.

Осень была ранней, холодной, с пронзительным ветром с Охотского моря и низким, свинцовым небом, которое никак не хотело светлеть. Дорога, ведущая из порта в город, была разбита, и грузовики шли медленно, поднимая облако пыли, которая смешивалась с туманом и оседала на лицах людей, стоящих в кузовах. Их было много — мужчины, женщины, старики, дети. Русские, корейцы, китайцы. Те, кого японцы считали лишними на этой земле, которую они готовились назвать своей. Кабояси стоял на обочине, и ветер дул ему в лицо, и он смотрел, как увозят людей, и не мог двинуться с места. Ему было немного за тридцать, он был молод, но уже знал, что такое приказ, что такое империя, что такое долг. Он знал, что это правильно. Что так надо. Что так будет лучше. Но он стоял и смотрел, и сердце его билось где-то в горле, и в груди росло что-то, чего он не мог назвать.

Наташа стояла у дороги, в толпе тех, кого должны были увезти. Она была молодой, лет двадцати, с темными волосами и лицом, которое было спокойным, но глаза её смотрели на мир с той выжидательной, отчаянной надеждой, которая бывает у людей, которые знают, что теряют всё. Она смотрела на Кабояси, и в её взгляде было что-то, что он не мог выдержать. Она не кричала, не плакала, не молила. Она просто смотрела, и в её глазах был вопрос, на который он не знал ответа.

— Помоги мне, — сказала она, и голос её был тихим, как ветер. — Я не хочу уходить отсюда. Это моя земля.

Кабояси стоял, и ноги его не слушались, и язык не поворачивался. Он хотел сказать что-то, но не мог. Он был японцем. Она была русской. Он был на этой земле, чтобы делать то, что приказано. Она была здесь, чтобы уйти. Так было правильно. Так было нужно. Так было.

Орлов стоял рядом. Он был старше Кабояси, сутулый, с лицом, которое было изрезано морщинами, как старая карта. Он смотрел на грузовики, на людей, на Кабояси, и в его глазах было что-то, что он не мог назвать — понимание, может быть, или горечь, или то, что старше слов.

— Почему ты стоишь? — спросил Орлов, и голос его был тихим, как шорох страниц. — Почему ты не поможешь ей? Ты же видишь, она не хочет уходить. Это её земля. Её дом. Её жизнь.

— Я не могу, — ответил Кабояси, и голос его был чужим, далёким. — Я не могу. Это приказ.

— Приказ, — Орлов усмехнулся, и усмешка эта была горькой, как полынь. — Всегда приказ. И кто его отдал? Ты? Я? Они? Кто ответит за это?

Кабояси молчал. Он смотрел, как грузовики уходят вдаль, как люди в кузовах становятся маленькими, как точки, и исчезают за горизонтом. Он смотрел на Наташу, которая стояла у дороги, и её лицо было спокойным, но в глазах её было что-то, что он не мог забыть. Он знал, что запомнит этот взгляд навсегда. Что он будет снится ему по ночам. Что он будет возвращаться к нему снова и снова, и он не сможет ничего с этим поделать.

— Почему это произошло? — спросил Орлов, и в голосе его был вопрос, который не имел ответа. — Почему мы стоим здесь? Почему мы смотрим, как увозят людей? Почему мы не можем ничего изменить?

Кабояси не ответил. Он не знал. Он знал только, что это приказ. Что так надо. Что это война. Что они готовятся к новой войне, против китайцев, против тех, кто будет мешать. Что этот остров нужен им, чтобы строить империю. Что эти люди мешают. Что их надо убрать. Что так правильно. Но он стоял и смотрел, и в груди его, там, где билось сердце, было пусто.

Орлов тоже стоял. Он смотрел на дорогу, на пыль, которая оседала, на людей, которые остались, на Кабояси, и в его глазах было что-то, что он не мог назвать — понимание, может быть, или принятие, или то, что старше слов. Он знал, что его тоже касается. Что рано или поздно его тоже раскроют. Что он тоже будет стоять на дороге, смотреть, как увозят людей, и не сможет ничего сделать. Или сможет. Он не знал.

— Мы должны что-то сделать, — сказал Орлов, и голос его был тихим, но в нём была та сталь, которой он не знал за собой. — Мы не можем просто стоять. Мы не можем смотреть. Мы должны...

— Что? — перебил Кабояси, и в голосе его была горечь, которую он не мог скрыть. — Что мы можем сделать? Мы — никто. Мы — песчинки. Мы — те, кто выполняет приказы. Мы не можем изменить ничего.

— Можем, — Орлов посмотрел на него, и в глазах его было что-то, что Кабояси не мог назвать — надежда, может быть, или отчаяние, или то, что старше слов. — Мы можем помнить. Мы можем не забывать. Мы можем, когда придёт время, сказать. Рассказать. Сделать так, чтобы никто не забыл.

Кабояси молчал. Он смотрел на дорогу, которая была пустой, на поле, где ещё стояли люди, на небо, которое было серым, низким, и думал о том, что этот день он запомнит навсегда. Что он будет помнить Наташу, её глаза, её голос, её слова: «Помоги мне. Я не хочу уходить. Это моя земля». Что он будет помнить, как стоял и не мог двинуться. Как не смог помочь. Как не смог сказать.

Он не знал, почему это произошло. Не знал, почему он стоял. Не знал, почему не помог. Но знал, что это изменит его. Что он будет помнить. Что он будет искать. Что когда-нибудь, может быть, он сможет искупить. Или не сможет. Но он будет пытаться.

Орлов стоял рядом, и они смотрели на дорогу, и ветер дул, и где-то далеко, в порту, гудели пароходы, увозя людей в неизвестность. И они знали, что это не конец. Это только начало. Начало их пути. Их памяти. Их правды.

— Я запомню, — сказал Кабояси, и голос его был тихим, как шепот. — Я запомню её. И всех, кого увезли. Я буду помнить.

— И я, — сказал Орлов, и в голосе его было что-то, что Кабояси не мог назвать — обещание, может быть, или клятва, или то, что старше слов. — И я буду помнить. И когда-нибудь, может быть, мы сможем рассказать. Или не сможем. Но мы будем помнить.

Они стояли на дороге, и день клонился к закату, и небо было багровым, как кровь, и они смотрели на запад, туда, где ушли грузовики, и знали, что этот день останется с ними навсегда. Потому что такие дни не забываются. Никогда.

Орлов стоял напротив, и лицо его было белым, как бумага, на которой писали приказы, от которых умирали люди. Он смотрел на Кабояси, и в глазах его была та пустота, которую Кабояси видел только раз — в бункере, когда Ватабэ убивал, и никто не мог остановить его.

— Кабояси, — сказал Орлов, и голос его был тихим, как шорох страниц. — Ты ничего не сделал. Ты стоял и смотрел. Ты не помог ей. Ты не помог никому. Ты не изменил ничего.

Кабояси молчал. Он стоял на дороге, и ветер дул, и пыль оседала на его лице, и он не мог двинуться. Он знал, что Орлов прав. Что он стоял. Что смотрел. Что не сделал ничего. Что мог, но не сделал.

— Ты должен уйти, — сказал Орлов, и голос его стал твердым, как сталь. — Уехать отсюда. И я уеду. Я не могу видеть тебя. Не после всего. Не после того, что случилось.

— Куда? — спросил Кабояси, и голос его был чужим, далеким. — Куда мне уехать?

— Не знаю, — Орлов покачал головой. — Но ты не можешь оставаться здесь. Не можешь делать вид, что ничего не случилось. Не можешь жить, как жил. Ты должен искать. Должен найти. Должен искупить. Или не искупить. Но ты не можешь стоять на месте.

Кабояси смотрел на него, и в глазах его были слезы, которые он не вытирал. Он знал, что Орлов прав. Что он должен уйти. Что он не может оставаться здесь, на этой земле, где он видел, как увозят людей, и не сделал ничего. Где он стоял и смотрел. Где он предал.

— Я уеду, — сказал он, и голос его был тихим, как шепот. — Я уеду и буду искать. Я найду её. Я найду Наташу. Я найду всех, кого увезли. Я буду помнить. Я буду искать. Я буду ждать.

— Ищи, — Орлов посмотрел на него, и в глазах его было что-то, что Кабояси не мог назвать — надежда, может быть, или прощание, или то, что старше слов. — Но не здесь. Не со мной. Я не могу видеть тебя. Я не прошу тебя после всего.

Он повернулся и пошел прочь, и Кабояси смотрел ему вслед, и ветер дул, и пыль оседала, и он стоял, не двигаясь, и в голове его было пусто. Он знал, что это конец. Что они больше не увидятся. Что он потерял всё. Но он знал также, что это начало. Начало его пути. Его поиска. Его правды.

Он уехал на следующий день. Сел на пароход, идущий на юг, и смотрел на берег, который удалялся, становился маленьким, исчезал в тумане. Он смотрел на этот остров, где оставил всё, и думал о том, что вернется. Что найдет. Что скажет. Что сделает.

А Орлов остался. Он стоял на пристани, смотрел, как пароход уходит в море, и в глазах его было что-то, что он не мог назвать — горечь, может быть, или надежду, или то, что старше слов. Он знал, что Кабояси уезжает, чтобы искать. Чтобы помнить. Чтобы искупить. Но он знал также, что это не искупит. Ничего не искупит.

Он повернулся и пошел в город, и ветер дул, и пыль оседала, и он шел, не оглядываясь, и в руке его было письмо, которое он должен был передать, и в сердце — правда, которую он должен был хранить.

Они не виделись много лет. Кабояси строил империю, ждал, надеялся. Орлов хранил память, ждал, верил. А Наташа... Наташа осталась там, на дороге, в тот день, когда увозили людей. Она осталась в их памяти, в их сердце, в их правде.

И когда они встретились снова, через много лет, на кладбище, у ее могилы, они не сказали друг другу ни слова. Они стояли, смотрели на камень, на имя, выбитое в граните, и знали, что это не конец. Это только начало. Начало их памяти. Их правды. Их любви. Потому что искать — это тоже быть. И надеяться. И верить.

Глава 2

1905 год. Сахалин.

Война кончилась. Не той, что будет позже, не той, что сожжет города и оставит в людях память на поколения, а той, что решила, кому владеть этой землей. Портсмутский мир перекроил карты, и остров, который веками был ничьим, стал чужим. Южная половина отошла Японии. Северная — России. Граница прошла по пятидесятой параллели, и люди, жившие здесь, вдруг оказались по разные стороны невидимой черты, которую нарисовали чиновники в далеких столицах.

Но для него, для Кабояси, это не имело значения. Он не был чиновником. Не был солдатом. Не был тем, кто решает судьбы. Он был простым человеком, который приехал на этот остров много лет назад, увидел его, вдохнул этот воздух, смешанный с туманом и запахом моря, и понял, что не сможет уехать. Здесь, на этой земле, где сопки встречаются с океаном, а леса такие густые, что теряешь счет времени, он нашел то, что искал. Не золото, не власть, не славу. А покой. И любовь.

Ее звали Айна. Она была из тех, кто жил здесь всегда, кто помнил этот остров до того, как на нем появились русские, до того, как пришли японцы. Ее народ называли айнами, и они были древнее всех империй, которые рождались и умирали на этой земле. У нее были темные волосы, заплетенные в косы, и глаза, которые смотрели на мир с той спокойной, вековой мудростью, которая бывает у людей, живущих в согласии с природой. Она не боялась ни войны, ни чиновников, ни границ. Она знала, что земля не делится на японскую и русскую. Она просто есть.

Их сын родился в тот год, когда война кончилась. В маленьком доме на берегу, где ветер с моря качал бамбуковые шторы, а печь гудела, разгоняя сырость осени. Кабояси принимал роды сам — рядом не было врача, не было повитухи, не было никого, кроме него и ее. Она кричала, и он держал ее за руку, и когда первый крик сына разорвал тишину, он заплакал. Впервые за много лет.

Он решил остаться на Сахалине до конца своих дней. Не потому, что некуда было ехать. У него была семья в Японии, был дом, было имя, которое он мог носить с гордостью. Но он выбрал этот остров. Эту землю. Эту женщину. Этого сына.

Он построил дом в долине, у подножия сопки, где весной цвели сакуры, а осенью листья становились золотыми. Он учил сына говорить по-японски и по-айнски, учил его читать звезды и понимать ветер, учил его не бояться ни волн, ни людей, ни смерти. Айна учила его тому, что знала сама, — как разводить костер, как плести сети, как слушать лес и слышать его голос.

Они жили тихо. Войны, которые гремели за горизонтом, не доходили до их долины. Русские и японцы делили остров, строили границы, воевали и мирились, а они жили своей жизнью, в которой время текло иначе — по солнцу, по луне, по смене сезонов.

Кабояси состарился рано. Морщины прорезали его лицо, руки, которые когда-то держали меч, теперь держали лишь удочку и топор. Но он был счастлив. Он смотрел на сына,

который рос, становился сильным, умным, красивым, и знал, что сделал правильный выбор. Он не жалел ни о чем.

Айна умерла, когда сыну было пятнадцать. Она ушла тихо, как уходят те, кто жил в согласии с природой, — без криков, без молитв, без страха. Она просто закрыла глаза, и ее дыхание стало ветром, а сердце — камнем, который лежит на дне моря.

Кабояси похоронил ее на сопке, откуда виден океан. Он поставил камень, вырезал на нем ее имя, и пришел к нему через много лет другой Кабояси, тот, который не знал этой истории, который искал правду в других местах. Но это будет потом.

А пока он сидел у ее могилы, смотрел на закат, и сын сидел рядом, и они молчали. И в этом молчании было все — любовь, память, надежда.

— Отец, — спросил сын, и голос его был тихим, как ветер. — Ты жалеешь, что остался?

— Нет, — ответил Кабояси, и голос его был твердым, как камень. — Я не жалею ни о чем. Я нашел здесь то, что не нашел бы нигде. Я нашел тебя. Я нашел ее. Я нашел себя.

Он прожил еще двадцать лет. Он видел, как сын вырос, как уехал в город, как вернулся, как женился, как родил своих детей. Он видел, как остров менялся, как приходили новые люди, как уходили старые. Он видел, как граница между русскими и японцами стала толще, как люди перестали понимать друг друга. Он видел, как мир готовится к новой войне.

Но он не боялся. Он знал, что эта земля переживет все империи, все войны, все границы. Она будет здесь всегда. Как его сын. Как его внуки. Как память об Айне, которая осталась в камне, в ветре, в его сердце.

Он умер в 1931 году, за несколько лет до того, как остров снова станет полем битвы. Он умер в своем доме, у подножия сопки, и сын закрыл ему глаза. Он похоронил его рядом с Айной, и на камне вырезал: «Кабояси. Он выбрал эту землю. И она выбрала его».

А потом пришли другие Кабояси. Те, кто не знал этой истории. Те, кто искал правду в документах, в приказах, в лагерях. Те, кто стоял на дороге и смотрел, как увозят людей. Те, кто не мог простить себя. Те, кто искал искупления.

Но это будет потом. А пока здесь, на Сахалине, в маленькой долине у подножия сопки, жил старый японец, который любил айнскую женщину, и растил сына, и верил, что земля не делится на свою и чужую. Она просто есть. И мы просто есть. И это главное.

Он рос в долине, где время текло иначе. Но отец, тот самый Кабояси, который выбрал Сахалин и айнскую женщину, знал, что сыну придется уехать. Мир за пределами их маленькой долины был огромным и жестоким, и чтобы выжить в нем, нужно было знать его законы.

— Ты должен учиться, — сказал отец, когда сыну исполнилось шестнадцать. — Не здесь. В городах. В университетах. Ты должен знать их язык, их мысли, их законы. Чтобы вернуться. Или не вернуться. Но ты должен знать.

Юноша уехал в Токио. Он поступил на юридический факультет, учился прилежно, но не забывал о том, откуда пришел. Он писал письма отцу, длинные, подробные, о том, что узнал,

что понял, что еще не понял. Отец отвечал коротко, но в каждом его письме была любовь и надежда.

После Токио он поехал в Москву. Это был 1928 год, и Советский Союз был молод, амбициозен, полон идей, которые казались ему одновременно и безумными, и прекрасными. Он поступил на юридический факультет Московского государственного университета, но посещал лекции по экономике, истории, философии. Он хотел понять эту страну. Понять ее людей. Понять, почему они так упорно держатся за эту землю, которую другие считали своей.

Москва встретила его морозом и суетой. Город был огромным, шумным, с трамваями, которые гремели по рельсам, и людьми, которые спешили по своим делам, не поднимая глаз. Он снимал комнату в коммуналке на Арбате, и соседи его — русские, татары, евреи, — удивлялись, как японец говорит на их языке без акцента. Он не объяснял. Он просто жил.

Она училась в Тимирязевской академии, на аграрном факультете. Он встретил ее в библиотеке, когда искал книгу по земельному праву, а она листала журнал о севооборотах и почвах. Он узнал ее сразу. Не потому, что видел раньше. А потому, что она была с Сахалина. Он чувствовал это — по ее глазам, по ее осанке, по тому, как она смотрела на мир. Как смотрели все, кто жил на краю земли.

— Вы с острова? — спросил он, и голос его был тихим, как ветер.

Она подняла голову, и в ее глазах было удивление.

— Да, — ответила она. — Я с Сахалина. Откуда вы знаете?

— Я тоже, — сказал он, и впервые за много лет почувствовал, что не один.

Ее звали Наталья. Она была дочерью русских переселенцев, которые приехали на остров в конце века, когда еще не было границ, когда земля была общей, когда люди помнили, что они люди. Она выросла в маленьком поселке на берегу, где отец ее ловил рыбу, а мать растила детей и молилась за тех, кто ушел в море и не вернулся. Она была младшей, и когда пришло время учиться, ее отправили в Москву. Дальше всех. Выше всех.

Они стали встречаться. Он рассказывал ей о своем отце, об айнской матери, о долине, где время текло иначе. Она рассказывала ему о поселке, о море, о том, как пахнет туман и как кричат чайки, когда идет шторм. Они гуляли по Москве, по Тверской, по набережным, и город, который был чужим, становился своим. Потому что рядом был тот, кто понимал.

Он думал, что это навсегда. Что они вернутся на остров, построят дом, посадят сад, будут жить, как жили его родители. Но она смотрела на него, и в ее глазах было что-то, что он не мог назвать.

— Я не вернусь, — сказала она однажды, когда они сидели на скамейке в парке. — Я не могу вернуться. Там нет ничего. Ни работы, ни будущего, ни жизни. Только прошлое. А я хочу жить здесь. В Москве. Или в Ленинграде. Или в другом городе. Но не на острове.

Он молчал. Он смотрел на нее, и в его глазах была боль, которую он не мог скрыть.

— А я вернусь, — сказал он. — Я обещал отцу. Я должен вернуться. Это моя земля.

Она не плакала. Она взяла его за руку, и они сидели так, и время остановилось, и только ветер шуршал листвой, и где-то далеко играла музыка, и город жил своей жизнью.

— Мы разные, — сказала она. — Мы с разных сторон. Ты хочешь вернуться, я хочу уехать. Ты ищешь прошлое, я — будущее. Ты смотришь на землю, я — на небо. Мы не можем быть вместе.

— Можем, — сказал он, и голос его был твердым, как сталь. — Мы можем быть вместе, если захотим.

— Не можем, — она покачала головой. — Я люблю тебя, Кабояси. Но я не могу жить там, где нет ничего. А ты не можешь жить там, где есть всё, кроме земли. Такова наша судьба.

Они расстались через год. Он уехал в Японию, она осталась в Москве. Он вернулся на Сахалин, она вышла замуж за московского инженера и родила дочь. Он не знал этого. Думал, что она забыла его. А она не забыла. Она ждала. Как ждала всегда.

Но это будет потом. А пока он сидел в поезде, который шел на восток, и смотрел в окно на поля, леса, города, которые проплывали мимо, и думал о ней. О том, что могло быть. О том, что не случилось. О том, что он никогда не вернется в Москву. И никогда не увидит ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.